

**ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА**

**GENERAL THEORETICAL AND HISTORICAL
PROBLEMS IN THE FORMATION
OF THE RULE-OF-LAW STATE**

УДК 321.011

DOI 10.33184/pravgos-2021.1.1

АРЗАМАСКИН Николай Николаевич

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета, г. Ульяновск, Россия.

E-mail: arznnb1@mail.ru

СМИРНОВ Сергей Владимирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета, г. Ульяновск, Россия.

E-mail: smsv@inbox.ru

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СУВЕРЕНИТЕТА
СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА
В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Целью статьи является уточнение концепции государственного суверенитета и понятийно-категориального аппарата общей теории государства и права в контексте происходящих в современном мире динамически изменяющихся, разнонаправленных процессов глобализации и изоляционизма. Авторами использован исторический подход, а также **методы** наблюдения, анализа, статистический и формально-юридический. **Результаты:** для исследования государственно-правовой действительности в изменившихся условиях авторы предлагают переосмыслить традиционную концепцию государственного суверенитета и использовать категории формально-юридического и фактического государственного суверенитета. Отмечается

возможность утраты государством не только фактического, но и формально-юридического суверенитета. Определены факторы ослабления государственного суверенитета в информационной сфере. Сделан вывод о том, что суверенитет государства в современных условиях остается одной из важнейших непреходящих ценностей, а само государство – гарантом общественной стабильности.

Ключевые слова: суверенитет; глобализация; факторы ослабления государственного суверенитета; вызов государственному суверенитету; угроза государственному суверенитету; информационный суверенитет.

С распадом Советского Союза биполярное политическое мироустройство прекратило свое существование, взамен ведущими идеологами победившего блока была предложена модель «конца истории», по сути, беспрекословного лидерства США. Практически общепризнанным до недавнего времени был тезис о том, что субъекты международного права в современном мире действуют в условиях глобализации – процесса «усиления взаимосвязи и взаимозависимости субъектов в экономической, культурной, государственно-политической, правовой, социальной, экологической сферах жизнедеятельности человечества в глобальном масштабе, основанного на образовании мировой экономики, интеграции финансовых рынков, качественно новых информационных, коммуникационных, транспортных технологиях, содержанием которого являются изменения, приводящие к выходу властных полномочий, авторитета, действий и интересов за пределы существующих территориальных границ» [1, с. 84–85].

Некоторые авторы и до событий 2020 г. отмечали неоднородность и разнонаправленность процессов глобализации, их несводимость только к вестернизации и американизации. Всемирная пандемия коронавирусной инфекции, экономические, социальные и иные последствия которой еще предстоит осмыслить, по меньшей мере ставит под сомнение эффективность ранее объявленной безальтернативной концепции западной глобализации, нивелирования роли государств, ослабления, размывания и упразднения государственного суверенитета. Активизируются противоположные глобализации процессы изоляционизма, автаркии. Государство как таковое, государственный суверенитет, несомненно, возвращаются в актуальный научный дискурс и мировую политическую повестку.

Одним из направлений воздействия глобализации является информационная среда.

Отметим, что в начале XXI в. исследования суверенитета государства, в том числе в информационном пространстве, причем не только тео-

ретико-правовые, но также и философские [2; 3], политологические [4], конституционно-правовые [5], международные [6; 7] и др., все более актуализировались.

Обозначим основные проблемы практической реализации государственного суверенитета в информационной среде в современных условиях.

Первая проблема связана с необходимостью регулирования общественных отношений в информационной среде. Стремительное развитие технологий привело к появлению быстро развивающейся и сложно контролируемой области социальных контактов – информационной. Менее чем за двадцать лет с начала XXI в. «информационная революция» изменила взаимоотношения людей, которые во многом переместились в онлайн. Согласно исследованиям, если в конце 2001 г. количество регулярных пользователей Интернета в России составляло 4,3 млн человек¹, то в мае – июле 2020 г. – около 95 млн человек, или 78 % населения старше 12 лет².

Интернет за прошедшее время серьезно эволюционировал: появились социальные сети, множество цифровых сервисов и приложений, в том числе привязанных к гаджетам, фиксирующим местоположение и другие данные о пользователе и его предпочтениях. Иными словами, образовалась обширная область социального взаимодействия – информационная среда, объективно требующая соответствующего правового регулирования [8; 9]. Пандемия коронавирусной инфекции 2020 г. и связанные с ней радикальные ограничения очных социальных контактов, необходимость перевода образования в дистанционную и смешанную форму, частичное изменение форм занятости населения и практическая их недостаточность, а в некоторых случаях и отсутствие законодательной базы, неразвитость отечественной микроэлектроники и программного обеспечения обозначили существенные пробелы в нормативно-правовой базе.

Вторая проблема объективно развивается в рамках дискурса о необходимости суверенитета государства как такового, государственного контроля применительно к информационной сфере. Распространено мнение об «отмирании» государства [10, с. 4], ведутся ожесточенные диспуты о том, является ли все еще актуальной доктрина суверенитета государства. Отметим, что указанный вопрос имеет практическое значение.

¹ В 2001 г. в РФ было 4,3 млн постоянных пользователей Интернета [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/04/03/2002/5703bec39a7947afa08cce25> (дата обращения: 02.12.2020).

² Mediascope представила данные об аудитории интернета в России [Электронный ресурс]. URL: <https://mediascope.net/news/1209287> (дата обращения: 02.12.2020).

При рассмотрении государственного суверенитета в информационной среде мы исходим из необходимости описания процессов в контексте общетеоретических категорий «формально-юридический государственный суверенитет» и «фактический государственный суверенитет». Как отмечает М.Н. Марченко, в понятии и содержании государственного суверенитета «методологически важным представляется выделять две стороны, или два аспекта, – формально-юридическую и фактическую» [11, с. 62]. Он также оперирует категориями «формально-юридический аспект государственного суверенитета» [11, с. 75], «формально-юридическое содержание суверенитета» [11, с. 95], «фактический суверенитет» [11, с. 95]. Нами предложены следующие определения: формально-юридический государственный суверенитет – это «имманентно присущее государству неотчуждаемое, юридически неограниченное, неделимое качество, выражающееся в способности государства осуществлять верховенство и независимость при определении и целей и задач в сфере внутренней и внешней политики» [1, с. 92]; фактический государственный суверенитет – это «имманентно присущая государству возможность осуществлять верховенство и независимость в процессе достижения поставленных целей и задач в сфере внутренней и внешней политики за счет собственных институциональных, материальных, кадровых, идеологических и иных ресурсов» [1, с. 92]. В информационной сфере указанные категории могут быть конкретизированы через анализ соответствующих целей и задач, а также «ресурсной базы» государства.

В современном мире противостояние государств и других «центров силы» глобального мира во многом сместилось в «виртуальную» среду – Интернет, социальные сети, масс-медиа, приложения и др. Итоги подобных конфликтов и даже «войн» во многом предопределены не только обладанием современными «метатехнологиями», но и контролем над другими ресурсами – территорией, населением, научными достижениями и инновациями. Каждый крупный глобальный «игрок» стремится развивать и навязывать другим собственные идеологические концепты, программные продукты, технические средства и др. Государства, утратившие фактический суверенитет, могут в перспективе потерять и формально-юридический суверенитет. Де-юре они являются независимыми, однако де-факто это государства, «не обладающие реальным суверенитетом» [12, с. 19]. Они могут попасть в зависимость, стать протекторатом или даже частью другого государства. В таких образованиях происходит последовательное разрушение «опорных систем» государства, утрата им монополии на силу и т. д. Появляются «зоны безвластия», так называемое «дикое

поле», в котором можно наблюдать «несостоявшиеся государства» (failed states) [13]. Указанная проблематика активно обсуждается последние десятилетия. Следует отметить, что обозначенные процессы деволюции государства могут быть описаны через предложенные нами категории.

Применение научно обоснованных подходов в рассматриваемой сфере дает возможность современному государству оперативно сконцентрировать значимые ресурсы в «точках бифуркации» для определения факторов ослабления суверенитета (рисков, вызовов и угроз) и позволяет противодействовать им путем выстраивания системы эффективных гарантий государственного суверенитета, в том числе в информационной среде. Предпринимаемые действия укрепляют государственный суверенитет, предотвращают его утрату. В современных быстро меняющихся условиях совершенно реалистичными представляются сценарии преобразования вызовов в угрозы государственному суверенитету. Их реализация ускоряется при отсутствии в государстве доктринально обоснованной, апробированной, технологически, экономически, идеологически подкрепленной системы гарантий государственного суверенитета. В рассматриваемом контексте под угрозой государственному суверенитету следует понимать «реальную возможность нанесения ущерба государственному суверенитету, которая с необходимостью реализуется при отсутствии немедленного применения мер государственного противодействия» [1, с. 106].

Обращение к анализу рисков, вызовов и угроз при рассмотрении проблем государственного суверенитета последовательно прослеживается в публикациях [5; 14]. Например, В.В. Красинский к наиболее опасным угрозам государственному суверенитету Российской Федерации относит значительное социальное расслоение, расширение масштабов коррупции, теневой экономики, демографическую диспропорцию, вызванную трудовой миграцией, обострение межнациональных и межконфессиональных отношений, сращивание криминальных структур с органами государственной власти и др. [12, с. 5–6].

Применительно к информационной среде можно выделить следующие вызовы и угрозы государственному суверенитету:

- 1) технологическое отставание ряда государств в организации собственной информационной инфраструктуры;
- 2) идеологическая уязвимость, отсутствие собственной идеологии, неспособность ряда государств противостоять идеологической экспансии в информационном пространстве;

3) применение государствами не только традиционной «жесткой», но и «мягкой» силы, организация «цветных революций» [15] с широким использованием «сетевых» информационных технологий, так называемых «гибридных войн», а также «прокси-войн» с привлечением ЧВК – частных военных компаний [16];

4) использование криптовалют [17], в том числе для поддержки террористических формирований, организации наркотрафика и сбыта наркотиков, организации неконтролируемой иммиграции, поддержки регионального и этнического сепаратизма в сложносоставных государствах.

При этом важно отметить, что при наличии определенных условий и отсутствии системы мер государственного противодействия вызов может преобразоваться в угрозу государственному суверенитету, реализация которой приведет к смене носителей государственной власти в данном государстве. При этом под вызовом государственному суверенитету предлагается понимать потенциальную возможность нанесения ущерба государственному суверенитету, которая при определенном развитии событий и при отсутствии мер государственного противодействия может преобразоваться в реальную. Соответственно, под угрозой государственному суверенитету следует понимать «реальную возможность нанесения ущерба государственному суверенитету, которая с необходимостью реализуется при отсутствии немедленного применения мер государственного противодействия» [1, с. 106].

О необходимости реализации концепции государственного суверенитета в информационной среде заявляет ряд авторов. Предлагается введение специального термина – «информационный суверенитет». Так, А.В. Россошанский предлагает «политологическое» определение информационного суверенитета, под которым он понимает «способность и намерение субъекта политики производить, распределять и потреблять информацию в зависимости от собственных интересов участия в политике, и использовать информацию как ресурс политического влияния в тех масштабах и объемах, которые соответствуют его текущим и долгосрочным политическим интересам» [4, с. 185]. М.М. Кучерявый предлагает понимать указанную категорию как «верховенство и независимость государственной власти при формировании и реализации информационной политики в национальном сегменте и глобальном информационном пространстве» [18, с. 12].

Вместе с тем необходимость введения специальной категории «информационный суверенитет государства» подвергается критике. Так, Л.Ю. Черняк заявляет о несостоятельности теоретической конструкции информационного суверенитета, поскольку «когда говорят об информа-

ционном суверенитете, по сути, ведут речь об информационной безопасности личности, общества и государства, информационной основе государственного суверенитета и о правах, свободах и гарантиях личности в информационной сфере» [19, с. 121].

Наиболее последовательной представляется позиция А.А. Ефремова, оперирующего термином «государственный суверенитет в информационном пространстве» и определяющего его как «юридическое качество государства как особого субъекта информационно-правовых отношений, осуществляющего ... правовое регулирование и в пределах своей территории (внутригосударственное информационное пространство), и на международном уровне (глобальное и региональные информационные пространства)» [20, с. 51], которое реализуется при помощи информационной функции государства, а именно деятельности государственных органов по регулированию информационного пространства и государственной информационной политики. Им же выделены основные направления изменения российского законодательства в рассматриваемой сфере:

1) внесение изменений и дополнений, направленных на обеспечение информационной безопасности детей;

2) введение требований для организаторов распространения информации в сети Интернет и блогеров;

3) введение ограничений, связанных с учреждением средства массовой информации для иностранных лиц;

4) введение порядка ограничения доступа к информации, обрабатываемой с нарушением законодательства Российской Федерации в области персональных данных и требований обеспечить запись, систематизацию, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), извлечение персональных данных граждан Российской Федерации с использованием баз данных, находящихся на территории Российской Федерации;

5) введение дополнительных требований по хранению информации операторами связи и организаторами распространения информации в сети Интернет;

6) формирование государственного управления регистрацией доменных имен и обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры;

7) признание средств массовой информации иностранными средствами массовой информации, выполняющими функции иностранного агента;

8) формирование законодательного регулирования в части обеспечения безопасного и устойчивого функционирования сети Интернет на территории Российской Федерации [20, с. 51–55].

Необходимость противодействия рассмотренной потенциальной трансформации факторов ослабления государственного суверенитета в логике «риск – вызов – угроза» объективно ставит перед современным государством проблему выстраивания системы гарантий государственного суверенитета, в том числе в информационной сфере. Следует акцентировать внимание на важности научного обоснования выстраиваемой системы мер.

Мы предлагаем определить гарантии государственного суверенитета как систему общих условий (экономических, политических, социальных, идеологических, духовно-культурных, технологических и др.) и специальных правовых средств (юридических гарантий), направленных на обеспечение верховенства и независимости государства в определении и достижении целей и задач внутренней и внешней политики.

При рассмотрении общих условий важно понимать, что государство путем их улучшения может повысить эффективность реализации системы специальных юридических гарантий государственного суверенитета. И наоборот, недостаточное к ним внимание приведет к обратным процессам. По сути, они являются фундаментом, на котором государство выстраивает систему специальных юридических средств противодействия факторам ослабления государственного суверенитета. Иначе говоря, постоянное системное противодействие государства, его деятельность по минимизации рисков, предотвращению перехода их в вызовы, а вызовов – в угрозы государственному суверенитету позволяет ему укреплять фактический государственный суверенитет [1, с. 132].

В рамках защиты государственного суверенитета в информационной среде в современном мире важнейшей является проблема обеспечения собственного «курса» государства, соотнесенного с системой целей, ценностей, основанных на менталитете общества. Критическое восприятие, научный анализ и избирательная имплементация навязываемых извне идеологических и культурных концептов, сохранение собственного «цивилизационного кода» должны быть приоритетами государств, претендующих на обладание фактическим государственным суверенитетом.

Следует особо отметить, что в систему гарантий государственного суверенитета также входят юридические гарантии (правовые средства обеспечения) государственного суверенитета – «закрепленные в источниках права инструменты (установления, юридические предписания) и деяния (технологии, акты реализации прав и обязанностей), с помощью которых государство обеспечивает свой суверенитет, в том числе формирует общие условия и нейтрализует риски, противостоит вызовам, непосредственно реагирует на угрозы государственному суверенитету» [1, с. 135].

Применительно к информационной сфере гарантиями будет формирование не только специального блока законодательных мер противодействия, но и специальных государственных служб, их системная, профессиональная, последовательная деятельность.

Таким образом, сфера информационного взаимодействия, в том числе на основе новейших технических решений в условиях пандемии коронавирусной инфекции, стала важной и значимой как никогда ранее. Дистанционное образование, получение государственных услуг в электронной форме, онлайн-банкинг, формирование рынка так называемых криптовалют и другие значимые сферы требуют объективного и качественного регулирования и защиты со стороны государства, выстраивания системы гарантий государственного суверенитета не только на уровне национального законодательства, но также и объективного усиления взаимодействия, достижения компромиссов между государствами, выработки соответствующих международно-правовых документов.

Не меньшую значимость в этой связи имеет и проблематика выстраивания системы противодействия идеологическим концептам, направленным на ослабление государства, его суверенитета, вплоть до превращения в «несостоявшееся государство» или даже полной ликвидации.

Суверенитет государства в современных условиях остается одной из важнейших непреходящих ценностей, а само государство – гарантом общественной стабильности. При этом содержание категории «государственный суверенитет» распространяется на новую сферу – информационную. После определенного периода относительного «самоустранения» государство начинает усиливать регулирование общественных отношений в сфере информационного взаимодействия субъектов. В наибольшей степени это касается инфраструктуры хранения и передачи информации в контексте охраны персональных данных. Также государством ограничивается и распространение контента. Отметим важность организации контроля государства в указанной сфере во взаимосвязи с охраной прав и свобод человека и гражданина.

Библиографический список

1. Арзамаскин Н.Н., Смирнов С.В. Суверенитет современного государства в условиях глобализации : моногр. Ульяновск : УлГУ, 2012. 182 с.
2. Алексеева И.Ю. Проблема интеллектуального суверенитета в информационном обществе // Информационное общество. 2001. № 2. С. 5–9.

3. Шарифов М.Ш. Суверенитет в контексте информационных коммуникаций // *Философия социальных коммуникаций*. 2007. № 1 (3). С. 87–95.
4. Россошанский А.В. Политический и информационный суверенитет в контексте процессов глобализации // *Симбирский научный вестник*. 2011. № 4 (6). С. 176–186.
5. Абдрахманов Д.В. Глобальное информационное общество как вызов государственному суверенитету: конституционно-правовой аспект // *Вопросы современной юриспруденции*. 2017. № 3-4 (65). С. 95–103.
6. Беленков Д.В., Гюлазян П.А., Мазлумян Д.Э. Информационный суверенитет России и Европейского союза, информационная политика и информационное противоборство: сущность и содержание // *Международный студенческий научный вестник*. 2018. № 5. С. 312.
7. Сеидов А.В. Воздействие глобализации на концепцию государственного суверенитета в международном праве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. 170 с.
8. Алексеева М.В. Правовые основы формирования информационного пространства знаний в рамках законодательного установления правовых условий информационного суверенитета государства // *Особенности государственного регулирования внешнеэкономической деятельности в современных условиях : матер. VI Всеросс. науч.-практ. конф. Ростов н/Д : Ростовск. филиал гос. казенного образовательн. учреждения высш. образования «Российская таможенная академия», 2019. С. 263–271.*
9. Мохов А.Ю., Преснякова А.А. Информационная безопасность и информационный суверенитет Российской Федерации: правовые основы // *Право и государство: теория и практика*. 2020. № 4 (184). С. 76–78.
10. Черняк Л.Ю. Теории отрицания государственного суверенитета: основные подходы // *Академический юридический журнал*. 2008. № 1. С. 4–12.
11. Марченко М.Н. Государственный суверенитет: проблемы определения понятия и содержания // *Правоведение*. 2003. № 1. С. 186–197.
12. Красинский В.В. Защита государственного суверенитета : моногр. М. : Норма, 2017. 608 с.
13. Смирнов С.В. К вопросу о необходимости исследования феномена «несостоявшихся государств» в рамках теории государства и права // *Образование. Наука. Научные кадры*. 2016. № 4. С. 13–16.
14. Сиволов Д.Л. Новые угрозы национальному суверенитету России в сфере информационной безопасности // *Социум и власть*. 2015. № 6 (56). С. 82–88.

15. Смирнов С.В. «Цветная революция» как угроза государственному суверенитету в условиях глобализации // Юридическая мысль. 2016. № 4 (96). С. 13–16.

16. Смирнов С.В. Частные военные компании как угроза государственному суверенитету современного государства // Правовое государство: проблемы понимания и реализации : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 10-летию журнала «Правовое государство: теория и практика» / отв. ред. Ф.Х. Галиев. Уфа, 2015. С. 98–102.

17. Смирнов С.В. Криптовалюты как вызов государственному суверенитету современного государства в условиях глобализации // Проблемы статуса современной России: историко-правовой аспект : сб. ст. Всеросс. науч.-практ. конф. / отв. ред. Ф.Х. Галиев. Уфа, 2018. С. 29–35.

18. Кучерявый М.М. Государственная политика информационного суверенитета России в условиях современного глобального мира // Управленческое консультирование. 2014. Вып. 9 (69). С. 8–15.

19. Черняк Л.Ю. К вопросу о понятии информационного суверенитета: теоретический и сравнительно-правовой аспекты // Сибирский юридический вестник. 2012. № 3 (58). С. 117–122.

20. Ефремов А.А. Государственный суверенитет в условиях цифровой трансформации // Правоведение. 2019. Т. 63, № 1. С. 47–61.

Дата поступления: 26.01.2021

ARZAMASKIN Nikolay Nikolayevich

Doctor of Sciences (Law), Professor at the Department of Theory and History of State and Law, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia.

E-mail: arznn61@mail.ru

SMIRNOV Sergey Vladimirovich

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia.

E-mail: smsv@inbox.ru

**CERTAIN FEATURES OF THE CONTEMPORARY STATE
SOVEREIGNTY IN THE INFORMATION SPACE**

The **purpose** of the article is to clarify the concept of State sovereignty and the conceptual and categorical apparatus of the general theory of State and law in

the context of dynamically changing, multidirectional processes of globalization and isolationism. The authors use a historical approach, **methods** of observation, analysis, as well as statistical and formal law methods. **Results:** in order to study State law reality in the changed conditions, the authors propose to rethink the traditional concept of State sovereignty and to use the categories of formal and actual State sovereignty. It is noted that the State may lose not only actual state sovereignty, but also formal and legal State sovereignty. The factors of weakening State sovereignty in the information sphere are identified. It is concluded that the State sovereignty in modern conditions remains one of the most important permanent values, and the State itself is a guarantor of social stability.

Keywords: sovereignty; globalization; factors of the reduction of state sovereignty; challenge to the state sovereignty; threat to the state sovereignty; information sovereignty.

References

1. Arzamaskin N.N., Smirnov S.V. *Suverenitet sovremennogo gosudarstva v usloviyah globalizacii* [Contemporary State Sovereignty in the context of globalization]. Ulyanovsk, Ulyanovsk State University Publ., 2012. 182 p.
2. Alekseeva I.YU. The problem of intellectual sovereignty in the information society. *Informacionnoe obshchestvo = Information Society*, 2001, no. 2, pp. 5–9. (In Russian).
3. Sharifov M.Sh. Sovereignty in the context of information communications. *Filosofiya social'nyh kommunikacij = Philosophy of Social Communications*, 2007, no. 1 (3), pp. 87–95. (In Russian).
4. Rossoshansky A.V. Political and informational sovereignty in the context of globalization processes. *Simbirskij nauchnyj vestnik = Simbirsk Scientific Journal*, 2011, no. 4 (6), pp. 176–186. (In Russian).
5. Abdrakhmanov D.V. Global information society as a challenge to state sovereignty: constitutional and legal aspect. *Voprosy sovremennoj yurisprudencii = Questions of Contemporary Jurisprudence*, 2017, no. 3-4 (65), pp. 95–103. (In Russian).
6. Belenkov D.V., Gyulazyan P.A., Mazlumyan D.E. Information sovereignty of Russia and the European Union, information policy and information confrontation: essence and content. *Mezhdunarodnyj studencheskij nauchnyj vestnik = International Student Scientific Herald*, 2018, no. 5, pp. 312. (In Russian).

7. Seyidov A.V. *Vozdejstvie globalizacii na koncepciyu gosudarstvennogo suvereniteta v mezhdunarodnom prave. Dokt. Diss.* [Impact of Globalization on the Concept of State Sovereignty in International Law. Doct. Diss.]. Moscow, 2004. 170 p.

8. Alekseeva M.V. Legal basis for the formation of the information space of knowledge within the framework of the legislative establishment of the legal conditions for the information sovereignty of the state. *Osobennosti gosudarstvennogo regulirovaniya vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti v sovremennykh usloviyakh. Materialy VI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Features of state regulation of foreign economic activities in modern conditions. Proceedings of the VI All-Russian Research Conference]. Rostov-on-Don, Russian Customs Academy Publ., 2019, pp. 263–271. (In Russian).

9. Mokhov A.Yu., Presnyakova A.A. Information security and information sovereignty of the Russian Federation: legal framework. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: Theory and Practice*, 2020, no. 4 (184), pp. 76–78. (In Russian).

10. Chernyak L.Yu. Theories of denial of state sovereignty: main approaches. *Akademicheskij yuridicheskij zhurnal = Academic Law Journal*, 2008, no. 1, pp. 4–12. (In Russian).

11. Marchenko M.N. State sovereignty: problems of defining the concept and content. *Pravovedenie*, 2003, no. 1, pp. 186–197. (In Russian).

12. Krasinskiy V.V. *Zashchita gosudarstvennogo suvereniteta* [Defense of state sovereignty]. Moscow, Norma Publ., 2017. 608 p.

13. Smirnov S.V. On the need to study the phenomenon of «failed states» within the framework of jtheory of state and law. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry = Education. Science. Scientists*, 2016, no. 4, pp. 13–16. (In Russian).

14. Sivovolov D.L. New Threats to the National Sovereignty of Russia in the Sphere of Information Security. *Socium i vlast' = Society and Power*, 2015, no. 6 (56), pp. 82–88. (In Russian).

15. Smirnov S.V. «Color revolution» as a threat to state sovereignty in the context of globalization. *YUridicheskaya mysl' = Legal Thought*, 2016, no. 4 (96), pp. 13–16. (In Russian).

16. Smirnov S.V. Private military companies as a threat to the state sovereignty of the modern state. In Galiev F.Kh. (ed.). *Pravovoe gosudarstvo: problemy ponimaniya i realizacii* [Rule-of-law state: problems of understanding and implementation: collection of articles]. Ufa, 2015, pp. 98–102. (In Russian).

17. Smirnov S.V. Crypto currencies as a challenge to the state sovereignty of the modern state in the context of globalization. In Galiev F.Kh. (ed.). *Problemy statusa sovremennoj Rossii: istoriko-pravovoj aspekt* [Problems of the status of modern Russia: historical and legal aspect]. Ufa, 2018, pp. 29–35. (In Russian).

18. Kucheryavyy M.M. State policy of information sovereignty of Russia in the conditions of the modern global world. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Administrative Consulting*, 2014, iss. 9 (69), pp. 8–15. (In Russian).

19. Chernyak L.Yu. On the issue of the concept of information sovereignty: theoretical and comparative legal aspects. *Sibirskij juridicheskij vestnik = Siberian Law Herald*, 2012, no. 3 (58), pp. 117–122. (In Russian).

20. Efremov A.A. State sovereignty in the context of digital transformation. *Pravovedenie*, 2019, vol. 63, no. 1, pp. 47–61. (In Russian).

Received: 26.01.2021